

6. ЗАМПОЛИТЫ

Данная хроника требует датировки: 28 августа 2003 года.

В тот день я общался с руководителем солидной организации негосударственной формы собственности. Наш разговор в его кабинете прервал телефонный звонок. Начальник взял трубку, полминуты послушал, резко сказал: «Это не мой вопрос! Обращайтесь к замполиту!» Бросил трубку, сказал сам себе: «Твою мать!..» Нажал кнопку, сказал секретарю: «Где болтается замполит! Срочно найдите!»

Подчеркиваю: 28 августа 2003 года меня поразила не матерщина руководителя (это, увы, непреходяще), а подзабытое слово -- замполит. Двадцатилетние, глядишь, и не знают, с чем его едят.

Нелепый термин советского новояза вошел в словари русского языка: «Замполит -- заместитель командира по политической части». Составители пятитомного «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» сделали кальку с русского и включили в третий том (1979) абракадабру -- «нампаліт».

Замполиты были в армии, профессионально-технических училищах, спортивных организациях, на многих предприятиях. Замполитами (и комиссарами) называли также секретарей партийных организаций, которые, как бактерии и вирусы, присутствовали везде. «У замполита как рот открывается, так рабочий день и начинается» -- говорили о них с издевкой, имея в виду, что замполиты работают языком. Болтуны, значит.

Замполиты исчезли после распада СССР. Даже в армии. Термин сделался нарицательным, приобрел ироничное значение. В обиходе стал забываться.

Но, как видите, замполиты --- вернулись. Без них властная вертикаль висела в воздухе, не вонзалась в низы, как кол в грунт. Без жесткого контакта низы не понимают верхов. А надо, чтобы понимали и поддерживали. Потому замполиты внедряются в нашу жизнь и в нашу лексику.

Замполитом сейчас называют того, кому дали должность заместителя руководителя по воспитательной и идеологической работе. Кроме того, повелением замполита верховного в замполитов по совместительству превратились все высшие должностные лица государства. Свои заветные мысли и мечты они считают государственной идеологией.

В стране на деньги народа создана вертикаль замполитов. Формируется горизонталь. Скоро будет сеть, паутина. Туда народ и заманивают, чтобы тащить, куда им надо.

Заманят или нет? Ведь если заманят, то и поволокут.

Новоявленные замполиты свои рабочие органы (рты) пораскрывали дружно, языками мелют ловко. Рабочие, государственные служащие, студенты, учителя, медицинские работники, согнанные в актовые залы, дисциплинированно-угрюмо выслушают замполита, молча уходят. Люди раздражены, что их оторвали от дела, украли у них драгоценное время. Чертыхаются, зло шутят. Вспоминают анекдоты про замполитов. Современному человеку жалко тратить часть своей жизни на идеологию.

Возвратив динозавров, режим не в силах вернуть их время со специфической атмосферой и пищевой нишей. Повернуть время вспять обязаны сами динозавры, замполиты белорусского государства двадцать первого века.

Главный белорусский вопрос сегодня: как не влипнуть в идеологическую паутину? Хотите знать ответ, следуйте за мной в эру динозавров.

В ноябре 1980 года из редакции “Литературной газеты” я получил задание: в связи со всенародной подготовкой к очередному съезду Коммунистической партии написать, как работает ее низовое звено — районный комитет. Задание газете спустили из ЦК КПСС. Заказчики просили, чтобы журналист показал, каким образом идеи партии превращаются в дела народа.

В ЦК КПБ мне на выбор предложили несколько лучших районов, в том числе — Березовский, мою малую родину. Туда и поехал, счастливый тем, что лишний раз повидаюсь с мамой.

В командировке я пробыл неделю. Ночевал у мамы. Целые дни проводил то в райкоме, то в поездках с райкомовскими работниками по району. Наблюдал, как партийная идея трансформируется в жизненную конкретику.

Пожалуй, впервые я, тридцатичетырехлетний журналист, к тому времени автор нескольких книг, коммунист с четырехлетним стажем, задумался: каким же образом партия овладевает ситуацией в обществе, в районе, в колхозе. Конкретные проявления партийной технологии я искал добросовестно. Маразм Брежнева, шамкающего в Москве, меня смешил, возмущал, но не сделал из меня циника. Я искренне верил, воочию видел, что райком работает не вхолостую.

Большой очерк “Будни райкома” был напечатан в “Литгазете” накануне съезда. Меня озадачили странные правки, сделанные в ЦК КПСС. Заказчики поправили те детали и факты, которые показывали, по какой технологической цепочке идея переходит в дело. Как раз то, о чем они просили написать, они и убрали. Никакой логики!

Логика у высокосидящих чиновников партии, конечно, была. И до меня дошла. Тогда же и дошла, в 1980-м, когда в Кремле крепчал маразм. Если бы я не уразумел, почему в ЦК откорректировали мой материал, я бы не сохранил авторский вариант. Выбросил бы черновик, как все прочие. Но этот — не выбросил. Сохранил. Значит, надеялся на изменения в обществе? Предчувствовал Горбачевскую Перестройку 1985-го?

Сегодня публикую без купюр и правок те откровения, которые не понравились партийным функционерам в Москве (читатель может угадать их).

Из очерка “Будни райкома”:

“В городе Березе, на тихой улочке, стоит ничем не примечательный двухэтажный особняк. “Березовский РК КПБ” — гласит стандартная табличка у входа. Стеклянная дверь. Лестница на второй этаж. Ковровая дорожка. Справа и слева двери, таблички с фамилиями. Где-то приглушенно стучит

пишущая машинка. Торопливо прошла по коридору женщина, и раскрытая бумага в ее руках шелестела от ветра шагов. И вновь застучала пишущая машинка. Как стучит в любом учреждении.

Но чем дольше я находился в этом здании: присутствовал на заседании Бюро, где принимали в партию и рассматривали “персональные дела”; видел в приемной озабоченных колхозных председателей, вызванных на “совещание по молоку”; беседовал с первым секретарем и инструкторами, -- тем больше я убеждался, что райком партии не учреждение, а нечто совершенно иное, имеющее свои особенные измерения в пространстве и времени, и что будни райкома это отнюдь не учрежденческие будни, проходящие в стенах двухэтажного здания...

В Березовском райкоме шесть инструкторов. В одном кабинете четыре стола. Сколько я туда ни заглядывал -- пусто. Не так чтобы пусты столы: стопка бумажек лежит, перекидной календарь покоится на позавчерашнем листке, авторучка-ракета стоит, а человека за столом -- нет.

Примерно четыре дня в неделю инструктор в райкоме отсутствует. Впрочем, и тут надо уточнить: инструктор отсутствует в райкоме как в здании, как в учреждении. А поскольку райком не здание и не учреждение, а нечто совершенно иное, то инструктор постоянно в нем присутствует и трудится, и особенно те четыре дня, когда его рабочий стол пуст.

Четыре дня в неделю инструктор находится в хозяйствах, на предприятиях. Но и тут я не совсем точен. Сначала я действительно полагал, что инструктор находится в хозяйствах и на предприятиях. Затем я случайно услышал следующий диалог. Молодая женщина забежала в кабинет с четырьмя пустыми столами, искала что-то на одном столе (судя по всему, на своем), положила бумажку в сумочку, сказала молодому мужчине: “Миша, я в парторганизацию...” Назвала, в какую, и убежала.

Теперь ясно: четыре дня в неделю инструктор райкома находится в партийной организации того или иного хозяйства. Таким образом, можно сказать, что понятие “райком” распространяется вширь, на весь район, где и пропадают инструкторы.

Инструктор, понятное дело, происходит от слова “инструкция”. Сколько написано инструкций, правил, указаний! Не меньше и проверяющих: из райисполкома, райфинотдела, райсельхозуправления, райбанка, райсельхозтехники, райсобеса, раймилиции, райкультуры... Все они -- инструкторы, проверяющие исполнение той или иной ведомственной инструкции.

И вот приезжает в колхоз еще один инструктор -- из райкома. Лучший инструктор Березовского райкома, по единодушному мнению секретариата, -- Раицкий.

--И вот приезжаете вы, Михаил Михайлович, в колхоз. На что смотрите? -- спросил я.

--На все сразу, -- ответил инструктор Раицкий. И подробно перечислил. И получилось, что он смотрит на все, на что смотрят проверяющие из учреждений с приставкой “рай”.

--На все сразу смотреть невозможно!

--Возможно! -- уверенно сказал Раицкий. -- Если смотреть через кадры. Подбор и расстановка кадров в курируемой зоне -- главное в работе инструктора...

Владимир Гарбузов за полный световой день смог вспахать всего два гектара. Ранний снег сошел, но земля, набухшая от осенних дождей, не приняла снеговую воду. На картофлянице стояли лужи. Но Гарбузов -- пахал. Летом он мог вспахать шесть гектаров, а сейчас давал всего два. Даже не выполнил норму. Естественно, заработка нормального не жди. И намучаешься больше, чем летом. Ноябрьская пахота -- тяжелая работа. Трактористы ее не любят.

Однако утром Гарбузов подходит к бригадиру тракторной бригады и говорит кратко: "Я -- пахать".

На Гарбузове франтоватый синий беретик с пупсиком. Гарбузову 33 года, лицо без морщинок, улыбка белозубая. Он говорит мне: "Не вспашешь теперь -- весной будешь локти кусать. Весной надо за четыре дня отсеяться. А сейчас надо пахать, пока оттаяло. И я пашу. Ну, разве я могу проситься туда, где легче? Да на меня сразу горлохваты пальцем тыкнут: ага, Гарбузов удобрения возит, полегче работу нашел, потому что при начальстве. Нет, я должен пахать, чтобы заткнуть им рот, чтобы весной совхоз не очутился в цейтноте. Я -- коммунист, член райкома партии, на меня смотрят, и я должен подавать пример. Такая моя обязанность".

Через таких, как Гарбузов, райком распространяется вглубь. В Березовском районном комитете -- 75 членов партии..."

На таких, как мой земляк и ровесник из деревни Подкрайчи Березовского района тракторист Володя Гарбузов, и пахала Коммунистическая партия. Беспощадно эксплуатировала трудолюбие, совесть, ответственность человека, присваивала себе результаты его тяжелого труда. Чтобы он работал еще больше, пахал из последних сил, партия сделала его членом райкома. Использовала его мужское честолюбие. Инструктор райкома регулярно приезжал к нему, подогревал его энтузиазм.

Так партия и распространялась вширь и вглубь, как выразился автор очерка, о котором чиновник ЦК КПСС наверняка подумал: "Научи дурака Богу молиться -- он лоб расшибет". И притушил мою метафору.

Я переусердствовал. Задавшись целью во что бы то ни стало раскрыть технологию партийной работы, я, не желая того, создал отрицательный образ партии. Из метафоры явствовало, что партия, словно гигантский спрут, проникает в человека и высасывает его изнутри. Я совершил разоблачение, выдав тайну партийных успехов.

Партия в лице ее вожakov не желала распространяться вширь и вглубь и как бы исчезать из поля зрения народа. Каждый партвожак, от столичного до районного, видел себя благодетелем, начальником, хозяином, душеприказчиком таких, как идейный Володя Гарбузов.

Таких, как Гарбузов, сейчас нет. Трудолюбивые, совестливые, честолюбивые еще сохранились, а идейные — закончились. В декабре 1991-го миллионы коммунистов с готовностью освободились от удушающего их спрута. Могущественная КПСС легко рассыпалась (я вышел из партии 5 апреля 1990-го).

Нынешние замполиты-динозавры остались без своей привычной пищи -- без идеологизированной человечины. Без партии, вне партии никакая идеология в человека не лезет, промывка мозгов не дает эффекта. Замполиты 21 века нетехнологичны. Языком мелют впустую. Серьезные люди в их сети не попадают.

Поскольку правящему режиму не удалось создать режимную партию для взрослых, он создал и лихорадочно активизирует БРСМ -- партию для детей. Действует логично! Дети -- податливый материал. Из идейных детей, когда подрастут, легче будет слепить взрослую партию и при помощи замполитов проникать в партийного человека.

Возрождение полноценного идеологического спрута -- процесс длительный. Возникает надежда на то, что у замполитов не хватит времени.

2003